

Вячеслав Карижинский в своих стихах свободно переключается от тонких, трепетных движений лирического чувства до мощных размашистых ударов художнической кисти. Интонация варьируется – тихая лирическая волна сменяется громоподобной мощью метафор, поэтических образов, в зависимости от того, о чём идёт поток стихотворной речи. Движение поэтической мысли автора находит воплощение в точности письма, в стилистической раскрепощённости. И всё это вкупе создаёт впечатляющую картину жизни!

Д. Ч.

ПРОЩАНИЕ С АНГЕЛОМ-ХРАНИТЕЛЕМ

Я тебя заклинаю,
В час ночных холодов и зверей
Обернись тонкой ивовой тенью,
Дабы хищник тебя не пронзил
Ни горячим клыком, ни когтями.
Ты у тёплого края
Млечнолунной реки отогрей
Зябких крыльев тугое сплетенье...
Так райхоновый чай и кизил,
Согревали нас раньше с друзьями.

Ты напрасно сжимаешь
Рану в полую, дрожащей груди –
С неба бросившись, чёрные стаи
Истерзали тебя, Херувим;
Сердце слабое вороны съели.
Но тебе я желаю
Мирных встреч и ночлега в пути,
Да вина, что однажды растает
На губах, прислонённых к твоим
Попутру, после слёз и веселья.

Для себя попрошу я,
Чтобы сумрак, покрепче обняв
Плечи, руки мои, не позволил

Видеть сны наяву; чтоб молчал
Телефон; чтоб твой голос за дверью
Не мерещился всеу.
Чтобы осень штрихами огня
Рисовала на стенах раздолье,
И распахнутых ставней причал
Принимал только ветры и трели.

Всё простит нам забвеньё –
Страшный друг, тайный страж, конвоир.
Пятипалых листов каравеллы
Высоту позабудут на дне.
Пусть – прошу я последнего счастья –
Веток сирые тени,
Словно тонкие пальцы твои
В изголовье моей колыбели,
Сонно, ласково машут всё мне
Издалёка, как будто прощаясь...

ВОТ ВЕСЬ МОЙ ПУТЬ

Вот весь мой путь, недолгий, как мечта,
Последний жест, неловкий, как признание.
Избранникам своим я не чета,
Изгнанникам – пустое упование.

Я – безымянный атом в темноте
И ягода в шальной медвежьей пасти.
Я – сложный мир, в предельной простоте
Разобранный на составные части.

И жизнь моя – короткая строка,
Вместившая и время, и пространство.
Я архаизм, сошедший с языка,
Но для кого-то ставший постоянством.

И по следам надежды, что всегда
В нарядном платье, но не по сезону,
Держу я путь; со мной идёт мечта,
Не знающая меры и закона.

ПТИЦЕТЕНИ

*На улицах, отданных птицам,
Безжалостный птичий разгул.
О, Боже, не дай отступиться
ни мне, ни другим
на бегу!*

Яков Рабинер «Птицы Хичкока»

Птицетени,
их аспиднокрылый размах
опоясал мои сновиденья.
Городские огни
светляками
редеют впотьмах.
Люди-шёпоты,
люди-тени...

И чернее обычного
этот канал
с металлическим
шелестом водным.
Я горячие руки
в него окунал,
и от бед
становился свободным.
Помнишь?
Наши мечты
– рой крылатых речей –
в быстрокрылые стаи сбивались,
улетали
под сенью весенних лучей,
никогда,
никогда не сбывались;

возвращались
по осени
тихой тоской,
жёлтым пеплом листвы
под ногами.
Пепел наших имён,
их алтарный покой –
осень, ставшая нами...

Птицетени

глотают палитру дождя.

Злато лет

стало чёрною пылью.

Я кричу,

заржавелый свой глас

не щадя,

что на этой земле

мы были!

По подвалам каким,

по каким мастерским

разбросало друзей

лихолетье?

На холодном окне

дождевые мазки;

за окном –

беспризорные дети.

Мне мерещится,

в кинопроекторе кадр,

предпоследний,

вдруг остановился.

Дрогнул,

словно

торпедой

пробитый фрегат,

посветлел

и

воспламенился.

Но пока чернота

не настигла детей,

пусть под ливнем

бегут бесенята,

и последний

мечтатель,

судья,

лицедей

за спиной

скажет громко:

«Стоп.
Снято!»

МЕТАФИЗИКА ЮНОСТИ

я знал когда-то бессловесный язык бушующих стихий,
бежал по радуге небесной и цвёл жасмином у реки.
я был погасшею звездой в плену космических ветров
и бесконечной чередой перерождавшихся миров;
я знал, о чём тоскует море, когда туманной пеленой
ненастье кутает просторы, и стонет ветер над волной,
ходил с Хайямом по долинам, цедил мускатное вино
и нараспев читал былины, людьми забытые давно.
а жизнь моя, как сновиденье, преображалась каждый миг,
не зная летоисчисления, границ, запретов и вериг.
я находил везде посланья миров в непознанной дали
и мог, рукой коснувшись камня, узнать историю Земли,
пробиться сквозь земные толщи, как родниковая вода...
но сон закончился – я больше его не видел никогда.

ЧАСТИЦА СОСТРАДАНИЯ

Прощай, мой друг!
Холодным, синим утром
растает корабли и поезда...
Всё в этом мире выдуманно мудро,
и на разлуку нам не опоздать.
На Землю август бросит звёздный бисер,
Мы друг от друга ждать не будем писем –
Их выкрадут чужие города,
другая совесть, новая беда,
домов и мыслей будничные выси.

Но во сто крат большее провожать
в покой необратимой высоты
любимых,
что уже не станем ждать,
с годами забывая их черты.

А мир, как фильм
на старой киноплёнке,

чадящим, серым летом опалён.
Я снова в кадре, на рыбацкой лодке,
и море исчезающих времён
мне смотрит в сердце, как печальный предок,
пророчащий утраты и победы,
укрывший от тоски песчаных лет
истории коралловый скелет.

И всюду драма млечных бликов Леды:
рождение и смерть подводных лун,
печали междустрочий,
между струн
уснувшие аккорды,
сон во сне,
где древней ночью предок в тишине,
бросая искры, выпустил из камня
горячую частицу сострадания.

ТРОПОЮ ЗАБВЕНЬЯ

Тропою забвенья уходят любимые люди,
друзья, навсегда молодые,
и старые судьи.
Уходят в беде и веселье,
уходят в труде и азарте,
и город родной превращается в точку на карте.

Так силы и мысли уходят тропой забвенья,
померкнут все чувства – останется сердцебиенье,
что всё тяжелей с каждым шагом,
непешным, увы, невозвратным,
увы, непокорным, неловким, увы, – не к парадным...

Земля позабыла следы и маршруты из прошлого,
а новь – не добро и не зло – только снежное крошево.

По снегу слепящему, выдержав два перебоя,
на площадь пойдёшь и увидишь,
что там всё чужое.
И битые в кровь мужики,
и паяцы народного пира –
лишь призраки юности из параллельного мира.
Бесслёзно, безбольно ты зимнюю вспомнишь влюблённость,

прогулки в семнадцать, молчанье вдвоём, невесомость
спонтанной улыбки и взгляда –
как ты был беспечен весенне,
озябшей щекою ложась на худые колени.

Ах, было же что-то и чистым, и важным, наверное.
Рад видеть, рад слышать – ценю даже то, что неверное.

Ударит в груди, в горле хриплой волной отзовется
ночная тревога, как эхо пустого колодца.
И мамина синяя лампа,
что сон охраняла твой с детства,
уже не спасает –
от этой тревоги нет средства.

Осталось подняться, окно протереть рукавами
и сердце упрятать за ветрами и за снегами.

Плывя запорошенной льдиной
всё дальше тропею забвенья,
живым оставаться –
проклятие или везенье...

У ВРЕМЕНИ ЕСТЬ ЦВЕТ

У времени есть цвет
и вкус своеобразный,
его незримых струн
мотив необратим.
Под пылью вековой
старинных стен кирпичных
неповторимых солнц
и лун дагерротип.

У детства моего
цвет старых фотографий,
мускатновинный вкус
у юности моей.
Плывёт за горизонт
забот вседневных гравий.
День новый норовит
опередить людей.

А вечером, когда
одолевает усталь
и гул дремотных нот
рояля за стеной,
в безвременья дворце,
где лучезарно-пусто,
бесцельно я брожу
под восковой луной.

Как локон цвета льна,
в гостиной призрак танца,
касание ветра –
бой по клавишам
и боль.
Один неверный звук –
и флейта Розенкранца,
возникнув предо мной,
исторгнет злую моль.

И вскрикнув, я проснусь
в холодном, тёмном доме,
и *но* сердцу пройдут
ночные поезда
оркестром аритмий –
безвременья истома
погаснет,
как во тьме
последняя звезда.

Но нет –
играет ветер
по верным нотам детства,
не нарушая строй,
не разгоняя грёз.
На свете не найти
испытаннее средства
сойти с тропы утрат
на перепутье гроз.

И длится сон времён,
нездешних, проплывая
по клавишам
tres calme

et doucement expressif¹
льна́ной рекой волос,
мускатным цветом мая,
роняя, как листву,
прощальный свой мотив.

¹ Очень сдержанно, нежно и выразительно (*фр.*) – надпись на партитуре прелюдии Клода Дебюсси «Девушка с волосами цвета льна».